

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 8.

22 ФЕВРАЛЯ 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
пногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ музыкальныхъ: Ленгольда и братьевъ Шлядбахъ, и въ книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свишニコва.

Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Кутнера, кв. № 23.

Къ № 8-му прилагаются: «Veilchen-strauss» Шпидлера, «La Zingaresca» В. М. Кажинскаго и 2-я книжка Собранія театральныхъ пьесъ.

Содержаніе: Театральная лѣтопись (Василько Петрова и М. Раппанорта). — Вѣсти отъсюду (М. Р.). — Карлъ-Марія Веберъ (продолженіе). — Бюблографія Донъ-Жуана (продолженіе). — Музыкальныя извѣстія.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Бенефисы: г-жъ Феррарисъ, Бозіо и г-на Соколова. — Объ исполненіи «Жидовки». — Отъѣздъ итальянскихъ артистовъ. — Предстоящіе концерты. — Бенефисъ г-жи Волъписъ. — Г. Милославскій. — Спектакли на масленицѣ.

Бенефисъ г-жи Феррарисъ поставилъ насъ въ крайне-затруднительное положеніе: мы не знаемъ, что сказать о немъ. О Наядѣ, о Жизели, объ участіи въ бенефисѣ г. Тамберлика, о томъ, что театръ былъ полонъ, однимъ словомъ — о всѣхъ второстепенныхъ обстоятельствахъ мы можемъ рассказать въ подробности; но о главномъ, т. е. о самой бенефицианткѣ, право, что сказать — не знаемъ. Развѣ можно передать словами полетъ птицы, порханье мотылька, прихотливую грацію рѣзвящагося ребенка? Мы не умѣемъ этого.

А между-тѣмъ отчетъ о бенефисѣ г-жи Феррарисъ нуженъ, мы общали его:

Терпсихора, помоги!

Въ нынѣшнихъ танцовщицахъ (не говоримъ о всѣхъ) инныя замѣчаютъ недостатокъ граціозности; это, къ сожалѣнію, отчасти справедливо. Съ нѣкотораго времени,

балетныя праны и понятія приняли направленіе, мало допускающее танцовщицъ развивать въ себѣ данную имъ отъ природы граціозность, почти лишаящее ихъ возможности приобрести ее, если природа отказала имъ въ ней. Отжили свой вѣкъ наптомимныя балеты, классическое *па* сошло со сцены, о минуэтѣ, который считался нѣкогда *альфой* танцевальнаго искусства, нѣтъ и помину. Плавность движеній замѣнилась быстротою, пластически-картинныя группы уступили мѣсто быстро-смѣняющимся калейдоскопическимъ узорамъ. Балетъ принялъ гимнастическій характеръ: чѣмъ труднѣе танецъ, чѣмъ больше онъ требуетъ силы и проворства, тѣмъ больше онъ правится. Нынѣшнимъ танцовщицамъ нѣкогда думать о граціи, потому что онѣ заняты развитіемъ и укрѣпленіемъ своихъ мускуловъ, требующимъ ежедневныхъ гимнастическихъ упражненій въ родѣ тѣхъ, которымъ предаются господа, показывающіе себя подъ именемъ сѣверныхъ геркулесовъ, сѣверныхъ алкидовъ и т. д. Обратите вниманіе на пожныя мускулы балетныхъ знаменитостей, странно право смотрѣть: они напрягаются словно стальные и готовы, кажется, прорвать обтягивающую ихъ кожу, какъ жилистая рука заставляеть лопнуть узкую лайковую перчатку. Вглядываясь попристальнѣе въ розовое трико, обтягивающее эти стальные мускулы, вамъ нетрудно будетъ убѣдиться, что иногда проступаютъ на немъ, вслѣдствіе сильныхъ напряженій, отъ которыхъ лопается кожа, капли алой крови. Иногда, послѣ труднаго балета, у первой танцовщицы идетъ кровь изъ пальцевъ и розовыя башмачки увлажняются кровью. Все это не сказки, все это подтвердитъ вамъ посвященные въ тайны хореографическаго искусства. Можетъ ли же при такомъ положеніи дѣла развиваться грація? Тѣмъ болѣе удивительно, когда мы встрѣчаемъ грацію въ соединеніи съ умѣньемъ преодолевать величайшія гимнастическія трудности танцевальнаго искусства.

Это удивительное соединеніе нашли мы въ госпожѣ Феррарисъ. Въ гимнастическомъ отношеніи (просимъ у нея извиненія за это выраженіе) мы не видали никого ей подобнаго: она соединяетъ въ себѣ силу, невѣроятную упругость мускуловъ, быстроту, легкость, стойкость (*aplomb*), удивительную твердость въ пальцахъ, однимъ словомъ все условія, нужныя для того, чтобы преодолевать поразительныя трудности, описать которыя мы не въ состояніи. Чтобы имѣть о нихъ понятіе, надо видѣть.

И при всемъ этомъ госпожа Феррарисъ граціозна! Что же можно было бы ожидать отъ нея, еслибъ современныя требованія танцевальнаго искусства не заставляли ее употреблять все силы свои и большую часть времени на гимнастическія упражненія. Впрочемъ, надо сказать правду, что ее грація уступаетъ проворству ногъ ей;—да иначе и быть не можетъ.

Въ бенефисъ свой она почти не сходила со сцены и дѣлала вещи невѣроятныя, изумительныя; можно сказать, что она показала, въ этотъ вечеръ, крайніе предѣлы, до которыхъ могутъ быть доведены танцевальныя трудности. Врядъ ли кто-нибудь пойдетъ дальше ее въ этомъ отношеніи. Но изумляя, г-жа Феррарисъ заставила пожалѣть, что дѣтъ въ настоящее время балетовъ, въ которыхъ она могла бы явиться не только танцовщицей, но и мимической актрисой. Есть, правда, драматическія сцены въ «Жизели», въ «Эмеральдѣ», но эти балеты приглядѣлись уже публикѣ; можно бы возобновить какой-нибудь старый балетъ, да публика не пойдетъ, пожалуй, смотрѣть его. А очень бы желательно посмотрѣть г-жу Феррарисъ въ мимической роли, потому что въ бенефисъ свой она заставила насъ заподозрить въ ней замѣчательное мимическое дарованіе. Въ «Наядѣ» показала она много веселости и плутоватости, въ «Жизели» она сыграла заключительную сцену перваго акта съ большимъ драматизмомъ. Что касается до «Венеціанскаго карнавала», то это одно на могло бы убѣдить сомнѣвающихся, что г-жа Феррарисъ прошла и классическую школу танцевъ и была бы первокласной танцовщицей во времена Гарделя, Доберваля и Дидло. Адажіо этого на доказало, что ей доступны и плавныя танцы классической эпохи балета. Короче, въ бенефисъ свой, госпожа Феррарисъ показала, въ большей или меньшей степени, все стороны своего разнообразнаго дарованія и неопровержимо доказала, что совершенно справедливо пользуется, наравнѣ съ госпожею Розатти, славою первой современной танцовщицы.

— Но неужели же, спросятъ читатели, въ госпожѣ Феррарисъ нѣтъ недостатковъ?

— Мы отвѣтимъ имъ на это стереотипной фразой: *и въ солнцѣ есть пятна*. Мы уже упомянули о преобладаніи гимнастической стороны надъ граціозной; въ этомъ недостатокъ кроется и другой, логически изъ него вытекающій. Безпрестанное стараніе удивлять зрителя замысловатою трудностью танцевъ—должно приводить танцовщицу къ неграціознымъ положеніямъ. Такія положенія изрѣдка встрѣчаются и у госпожи Феррарисъ: даже въ очень-миломъ *pas de bouquet* есть у нея такіе *cabrioles* (техническое выраженіе), которые невольно вызываютъ улыбку. Виновны ли въ этомъ госпожу Феррарисъ? Мы думаемъ, что не должно жертвовать истинной искусства заблуждающемуся вкусу публики; но и публикѣ нужно и требовать отъ художниковъ такихъ жертвъ? Трудно отказывать такимъ требованіямъ, а должно, потому что, иначе, давно бы погибло истинное искусство и не видали бы мы Тальони и Эльслеръ. Вѣдь и до нихъ пу-

блика любила *штучки*;—вспомните стихи Пушкина про Истмину:

Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружить,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
То станъ советъ, то разовѣтъ,
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

Послѣ перваго дѣйствія «Наяды» поднесли бенефицианткѣ дорогой браслетъ, украшенный брилліантами и бирюзой, а по окончаніи спектакля такія же серьги и кольцо. Кромѣ букетовъ, поднесенныхъ, вмѣстѣ съ подарками, капельмейстеромъ Лядовымъ, было брошено нѣсколько букетовъ изъ ложъ. Вызовамъ мы потеряли счетъ. Бенефициантка была тронута до слезъ и говорила, послѣ спектакля, подругамъ своимъ, что никогда не забудетъ этого вечера и сохранить воспоминаніе о немъ въ своемъ сердцѣ.

Правы были тѣ, которые предсказывали, что къ концу сезона госпожа Феррарисъ завоюетъ любовь публики, встрѣтившей ее сначала немного холодно.

Мы затруднились начать отчетъ нашъ о танцахъ госпожи Феррарисъ; въ точно-такое же затрудненіи находимся мы и теперь, приступая къ отчету о лирико-драматической сценѣ, «Дмитрій Донской», исполненной г. Тамберликомъ.

Г. Тамберликъ нѣвецъ искусный, нѣвецъ знаменитый своимъ *do-dieuzem* и энергіей, съ которой онъ исполняетъ нѣкоторыя партіи, нѣвецъ, любимый нашей публикой и, если не ошибаемся, самъ къ ней расположенный; все эти качества выказалъ онъ и въ упомянутой нами сценѣ, существованіемъ которой мы обязаны исключительно ему. Онъ привезъ съ собой музыку, онъ хлопоталъ о словахъ, онъ, наконецъ, поставилъ сцену на сцену и самъ исполнилъ въ ней главную роль. Выборъ сюжета доказываетъ, что г. Тамберликъ хотѣлъ сдѣлать пріятное русской публикѣ; нѣтъ онъ съ поразительной энергіей и чувствомъ; короче, г. Тамберликъ заслужилъ, во всехъ отношеніяхъ, благодарность публики, которая и выразила ее громкими рукоплесканіями и многими слезными вызовами. Мы готовы еще разъ, отъ имени всехъ почитателей его дарованія, благодарить любезнаго нѣвца и исполняемъ это съ величайшимъ удовольствіемъ, по... вынуждены, въ то же время, высказать нѣсколько словъ, которыя будутъ уже относиться не къ г. Тамберлику, а собственно къ самой сценѣ, т. е. не къ исполненію, а къ самому произведенію.

Справедливо упрекаютъ итальянскихъ композиторовъ, что они мало заботятся о томъ, чтобы музыка, ими сочиняемая, согласовалась съ содержаніемъ либретто; имъ лишь бы написать побольше мелодій, а согласуются ли мелодіи съ словами, для которыхъ онѣ служатъ музыкальнымъ выраженіемъ, до этого имъ мало дѣла. Недавно еще въ этомъ журналѣ говорилось, что въ одной изъ лучшихъ оперъ Верди, въ «Трубадурѣ», самыя страшныя вещи поются подъ мотивы, которыя годились бы для польки или вальса. Это равнодушіе къ гармоніи музыки съ словами обнаружилось самымъ блистательнымъ образомъ въ лирико-драматической сценѣ «Дмитрій Донской»:—только, въ настоящемъ случаѣ, виноваты въ этомъ ужъ не композиторъ, родомъ Бразилецъ, какъ мы слышали, а тотъ, кому пришла въ голову мысль, придѣлать къ музыкѣ, написанной для г. Тамберлика въ Ріо-Жанейро, сцену изъ русской исторіи. Какъ бы то ни было, а исполненію г. Тамберликомъ сцену можно бы назвать—*Фернандъ Кортесъ, Готфридъ Буль-*

донскій, Наполеонъ при Ватерлоо, Мининъ на нижегородской площади—съ такимъ же основаніемъ, какъ и *Дмитрій Донской*; испанскіе плащи, англійскіе колеты, тирольскія куртки, могли бы явиться въ ней съ такимъ же правдоподобіемъ, какъ русскія кольчуги и шлемы. Публика—къ чести своей—рукоплескала г. Тамберлику, но находила, что патриотическіе возгласы выражены слабыми стихами и чуждой русскому чувству музыкой.

Въ заключеніе, должно поблагодарить г. Дебассини, который, вѣроятно такъ же, какъ и г. Тамберликъ, руководимый желаніемъ угодить русской публикѣ, согласился исполнить въ этой сценѣ незначительную роль. Оба они пѣли по-русски; г. Тамберликъ произноситъ очень-хорошо.

ВАСИЛЬКО ПЕТРОВЪ.

Въ прошедшую субботу любимая наша примадонна г-жа Бозіо заключила рядъ бенефисовъ Италіанской Оперы. Само собою разумѣется, что театръ былъ рѣшительно полонъ, что бенефициантку встрѣтили шумными, продолжительными рукоплесканіями; роскошные букеты, наконецъ драгоцѣнный подарокъ, все тутъ было,—и иначе и быть не могло: госпожа Бозіо принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ звѣздъ, которыя постоянно, безъ измѣненія блестятъ на фирментѣ нашей оперы. Дѣйствительно, не много примадоннъ пользовались у насъ такою постоянною любовью публики, обыкновенно прихотливой и любящей переменны. Давали Пуританъ, это пѣжное, сахарное произведеніе Беллини, и мы были въ восторгѣ отъ прекраснаго исполненія, преимущественно главныхъ ролей (г-жа Бозіо и г-нъ Кальцолари). Жаль только, что въ 1-мъ д. дуэтъ Эльвиры и Жоржіо былъ пропущенъ; при такомъ дивномъ исполненіи хотѣлось бы прослушать все, рѣшительно все. Знаменитый кватюоръ перваго дѣйствія, Поллака, большая арія втораго дѣйствія (сопрано), романсъ третьяго дѣйствія (теноръ) и наконецъ дуэтъ, постепенно увеличивали восторгъ публики. И дѣйствительно г-жа Бозіо и г. Кальцолари превзошли себя въ этотъ вечеръ. Намъ казалось, что мы слушаемъ двухъ соловьевъ одинаковой силы, состязающихся между собою о первенствѣ; право трудно рѣшить, кому изъ нихъ оно принадлежало въ этотъ вечеръ: оба были восхитительны. Наконецъ-то публика наша убѣдилась, что г. Кальцолари лучший, если не первый въ настоящее время теноръ *de grazia*. О томъ, что онъ мастеръ пѣть, пѣтъ и сомнѣнія, но главное то, что голосъ его сталъ симпатичнѣе, въ немъ больше противъ прежняго блеска и силы, и неудивительно, что онъ сдѣлался любимцемъ публики и занялъ то мѣсто въ числѣ нашихъ теноровъ, которое ему давно слѣдовало. Другія роли были исполнены г-ми Марини, Эверарди и Дебассини; не можемъ не замѣтить, что послѣдній не былъ въ голосѣ и отъ этого нѣсколько пострадалъ ансамбль. На слѣдующій день въ пользу режиссера оперной труппы, г. Соколова, данъ былъ утренній спектакль, составленный изъ отрывковъ изъ любимыхъ оперъ: *Пормы*, *Трубадура*, *Севильскаго цирюльника*, *Марты*, *Фаворитки* и *Иоанны дн Гусманъ*. Г. Тамберликъ повторилъ сцену изъ *Дмитрія Донскаго*. Всѣ эти отрывки исполнены были превосходно; говорить подробно объ этомъ спектаклѣ не станемъ, все исполненное въ немъ давно извѣстно нашимъ читателямъ. Г-жа Лотти делла Санта явилась въ первый разъ въ отрывкѣ изъ *Пормы* и исполнила знаменитую каватину «*Casta diva*». Звучный, прекрасный ея голосъ какъ нельзя лучше идетъ этой

партіи и въ особенности речитативъ и анданте обратили на себя всеобщее вниманіе. Напрасно только г-жа Лотти делла Санта рѣшилась щегольнуть вставленнымъ ею руладами, которыя, какъ не соответствующія характеру музыки, совершенно излишни и могли повредить общему эффекту; при всемъ томъ г-жа Лотти имѣла большой успѣхъ, ее вызвали восторженно три раза. Восторгъ этотъ увеличился еще послѣ болеро (изъ *Иоанны дн Гусманъ*), которое г. Лотти поетъ увлекательно. Вообще артистка эта сдѣлала въ нынѣшнемъ году большіе успѣхи и въ настоящее время безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу лучшихъ современныхъ драматическихъ пѣвицъ; она ѣдетъ въ Лондонъ и смѣло предсказываемъ ей успѣхъ. Въ этомъ же спектаклѣ г. Кальцолари опять сдѣлался предметомъ оваціи за серенаду (изъ *Цирюльника*). Въ заключительной кадентѣ, взятой фальцетомъ, послышалась удивительная трель, достойная Бозіо, Вярдо или Персіани. Г. Монжини съ успѣхомъ исполнилъ романсъ изъ *Фаворитки*. Сцены изъ *Трубадура* и *Дмитрія Донскаго* тоже доставили публикѣ случай выказать свое удовольствіе г-жѣ Мерикъ и по справедливости любимому всѣми артисту, г. Тамберлику.

Въ среду мы присутствовали на пятомъ представленіи «*Жидовки*», которую намъ никакъ не удалось послушать раньше; но *meglio tarde che mai*, и какъ объ исполненіи этой оперы въ отчетѣ сотрудника нашего К. Н. Званцова сказано было только вскользь, то мы спѣшимъ передать читателямъ наше собственное мнѣніе. О достоинствахъ и недостаткахъ самой оперы сегодня распространяться не станемъ,—это должно составлять предметъ отдѣльной статьи; скажемъ только, что, соглашаясь съ взглядомъ почтеннаго нашего сотрудника вообще (№ 7 Т. и М. В.), не можемъ отказать произведенію Галеви въ многихъ интересныхъ частностяхъ, въ несомнѣнныхъ красотахъ, проявляющихся мѣстами, и въ нѣкоторыхъ сценахъ весьма эффектныхъ; но о томъ послѣ. Теперь мы считаемъ обязанностію отдать долгъ справедливости г. Сѣтову, который за артистическое исполненіе роли Элеазара заслуживаетъ полную похвалу. Онъ явился отличнѣйшимъ актеромъ, игра его была высоко-драматическая, въ особенности въ четвертомъ дѣйствіи. Съ замѣчательною правдою отражались на лицѣ его чувства мщенія и радость, когда онъ достигалъ цѣли своей отомстить ненавистному себѣ христіанину. Вообще же игра его отличается благородствомъ, правдою и чужда всякой аффектаціи. Читателямъ нашимъ извѣстно, что мы не принадлежимъ къ числу поклонниковъ голоса г. Сѣтова, т. е. собственно качествъ его голоса (мы всегда отдавали справедливость умѣнію его пѣть):—не знаемъ, подъ влияніемъ ли артистической игры г. Сѣтова или же въ слѣдствіе особеннаго пріятнаго какого-то настроенія духа, а скажемъ откровенно, что на этотъ разъ и пѣніе г. Сѣтова произвело на насъ пріятное впечатлѣніе, въ особенности арія 4-го дѣйствія; однимъ словомъ роль Элеазара удалась вполне г. Сѣтову, которому впродолженіе оперы постоянно рукоплескали, а послѣ 4-го дѣйствія вызвали едва ли не семь или восемь разъ. Другіе артисты исполнили свои роли добросовѣстно. Голосъ г-жи Булаховой слабъ для сильно-драматической роли *Жидовки*, но нельзя не оцѣнить старанія, съ какимъ она исполнила эту роль, мѣстами даже замѣтно было, что она играетъ съ увлеченіемъ (3 дѣйствіе); не ея вина, если не доставало физическихъ силъ. Русская наша опера, можно сказать, еще въ началѣ, еще такъ недавно стала выдвигаться впередъ, нельзя же быть взыскательнымъ и требовать отъ нашихъ пѣвицъ того, чего мы вправѣ требовать отъ италіанскихъ примадоннъ. Замѣтимъ

еще, что прекрасная наружность г-жи Булаховой вполне соответствовала личности Рахили; мы видели перед собою очаровательную в полном смысле «Жидовку» и находили совершенно натуральною любовь къ ней имперскаго князя. Г. Васильевъ былъ весьма удовлетворителенъ въ роли президента. Мы опять любовались его симпатичнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ голосомъ; желательно было бы только побольше увлеченій въ грѣ и даже въ самомъ пѣніи. То же можно сказать и о г. Булаховѣ; мы всегда въ восторгѣ отъ его симпатичнаго голоса, но сожалѣемъ объ его холодности. Постановка, костюмы и пр. по обыкновенію отличаются великолѣпіемъ; несмотря на то, что новыя декорации сгорѣли, г. Роллеръ устроилъ дѣло на славу, и незамѣтно, что декорации собраны изъ прежнихъ. Еще слѣдуетъ сказать о хорахъ постоянно отличающихся. Хоры нашей Русской оперы совершенствуются съ каждымъ днемъ и въ многихъ отношеніяхъ перещеголяли даже, по нашему мнѣнію, хоры Италіанской оперы, — вспомните Фенеллу. Большинству публики конечно не извѣстно, кому мы обязаны такимъ отраднымъ явленіемъ. Въ театральномъ мірѣ есть дѣятели незамѣтные, которые дѣйствуютъ скромно, тихо, трудятся для искусства съ горячею любовью, но трудятся за кулисами, куда не достигаешь глазъ большинства. О такихъ дѣятеляхъ недавно бесѣдовалъ въ антрактахъ своихъ г. Василько Петровъ и къ числу такихъ полезныхъ тружениковъ безъ сомнѣній принадлежить г. Вителаро, учитель пѣнія при Императорскихъ Театрахъ. Его главному руководству поручены хоры, отличное состояніе которыхъ — фактъ, краснорѣчиво говорящій самъ за себя и не нуждающійся въ многословіи. Г. Вителаро въ полномъ смыслѣ отличный, трудолюбивый и, главное, добросовѣстный учитель. Вообще каждый разъ, когда намъ приходится слушать новую оперу на русскомъ языкѣ, мы выносимъ отрадное впечатлѣніе, потому что, какъ бы ни взыскательны, ни строги были наши критики-спеціалисты, а все-таки не могутъ не согласиться, что опера наша дѣлаетъ успѣхи, идетъ впередъ и слѣдовательно подаетъ въ будущемъ самыя блестящія надежды.

Сегодня оканчивается сезонъ. Соловьи наши улетятъ завтра же въ разныя страны: г-жа Бозио чрезъ Парижъ въ Лондонъ; г-жа Лотти въ Лондонъ; Лаблашъ де Мерикъ въ Парижъ, г-жа Бернарди сѣлится къ супругу своему въ Туринъ; г-нъ Тамберликъ отправляется опять восхищать Парижанъ, а послѣ въ Лондонъ; Дебассини въ Вѣну, Еверарди тоже, Кальцолари въ Миланъ, Ронкони въ Лондонъ и пр. и пр., а намъ остаются воспоминанія и... концерты. При мысли о концертахъ намъ становится страшно за себя и за васъ, добрые читатели, но успокойтесь, — мы будемъ вамъ только указывать на заслуживающіе вниманія, доверьтесь намъ и, надѣмся, не раскаетесь. Пока, какъ мы слышали, на 2-й недѣлѣ концертъ любимой нашей русской пѣвицы г-жи Леоновой и музыкальный вечеръ сотрудника нашего Антона Григорьевича Контекаго. Программа этого вечера прилагается при сегодняшнемъ №.

Въ прошедшее воскресенье состоялся бенефисъ г-жи Вольпинсъ, все еще по справедливости любимой артистки. Театръ былъ полонъ. Новыхъ піесъ не было, за-то возобновлены лучшія изъ прежняго репертуара. Піесы давно всѣмъ извѣстны и поэтому не представляемъ разбора бенефиса г-жи Вольпинсъ. — Г. Милославскій продолжалъ свои дебюты въ «Она помѣшана» и «Кларъ д'Обервиль». Мы слышали, что г. Милославскій остается у насъ, слѣдовательно успѣемъ еще

ближе познакомиться съ его игрою, — пока считаемъ нужнымъ умолчать объ его дебютахъ.

На масляницѣ репертуаръ составленъ былъ во всѣхъ театрахъ изъ піесъ, имѣвшихъ въ продолженіе зимы успѣхъ. На Александринскомъ давали преимущественно: «Не въ дѣняхъ счастье» и «Жидовку»; на Михайловскомъ: «Le roman d'un jeune homme pauvre»; на Большомъ: «Трубадура», «Гвельфовъ», «Карла Смѣлаго», «Марту» и др., «Эолину», «Фауста», «Двухъ воровъ», «Своисправную жену, Мечту художника» и др. Италіанская Опера заключаетъ сегодня сезонъ Травиатой.

М. РАППАПОРТЪ.

ВѢСТИ ОТВсюду.

Спектакли у графа Григорія Кушелева-Безбородко. — Генрихъ Герцъ — Г. Серве. — Партитуры оперъ М. И. Глинки. — Проектъ русскаго общества для вспоможенія литераторамъ. — Вѣсти изъ Парижа: оперные театры; госпожа Нантъ-Дидье; вдовецъ банкира Мильйо; новыя оперы Россини, и Бердюза; театральные агенты; баритонъ Варезе; концертъ Вьетана; скрипачъ Вите. — Вѣсти изъ Неаполя: Надежда Богданова. — Вѣстия танцовщица Кукки. — Разныя извѣстія.

Число домашнихъ спектаклей все увеличивается. Это благодарное развлеченіе входитъ все болѣе и болѣе въ моду. Въ последнее время было нѣсколько спектаклей, въ томъ числѣ еще два у графини и графа Кушелевыхъ-Безбородко (10-го и 17-го февраля). Спектакли эти были необыкновенно оживлены, благодаря прекрасному исполненію піесъ гг. любителями и участію италіанскихъ артистовъ. 10-го февраля даны были слѣдующія піесы: «Часъ послѣ обѣда»; сцена изъ «Евгенія Онѣгина»; сцена изъ «Гамлета»; «Les deux aveugles», оперетта Оффенбаха; дуэтъ изъ «Севильскаго цирюльника» (г-да Кальцолари и Еверарди); «Недоразумѣніе», удачно-написанная сцена изъ свѣтской жизни, соч. К. Б.; романсъ изъ «Любовнаго напитокка» (г. Кальцолари) и «Женихъ въ ливрѣ». 17-го февраля: сцена изъ «Евгенія Онѣгина»; дуэтъ изъ «Браво» (гг. Кальцолари и Монжини); «La guerre des maris»; по дорогѣ зашелъ (разсказъ И. О. Горбунова); дуэтъ изъ «Италіанки въ Алжирѣ» (гг. Кальцолари и Еверарди); «Вольноотпущенный», оригинальная комедія въ 2-хъ д., соч. К. Б.; сцена изъ «Фаворитки» (гг. Еверарди и Монжини); «Прежде маменька»; серенада и дуэтъ изъ «Донъ-Паскале» (гг. Кальцолари и Еверарди). Въ антрактѣ исполнилъ соло на скрипкѣ талантливый скрипачъ г. Мишкусъ. По этимъ интереснымъ и разнообразнымъ программамъ, прекрасно, какъ мы сказали выше, во всѣхъ отношеніяхъ выполненнымъ, легко можно заключить, въ какой мѣрѣ наслаждались присутствовавшіе на этихъ вечерахъ.

Знаменитый фортепианистъ и композиторъ Генрихъ Герцъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Кому не извѣстно имя это, въ продолженіе столькихъ лѣтъ громогласное во всей музыкальной Европѣ? Кто не игралъ его блестящихъ композицій? Гдѣ только фортепиано, тамъ непремѣнно и произведенія Герца. Кто обучался на фортепиано непремѣнно, игралъ его экзерсисы. Конечно пріѣздъ такого артиста весьма пріятное явленіе и хорошій предвѣстникъ предстоящаго концертнаго сезона. Когда и гдѣ будетъ назначенъ первый концертъ г. Герца, сообщимъ нашимъ читателямъ.

Извѣстный виолончелистъ Серве тоже пріѣхалъ къ намъ и вѣроятно дастъ нѣсколько концертовъ.

По случаю пожара Театра-Цирка разнеслись слухи, будто бы единственная полная партитура оперы М. И. Глинки «Русанъ и Людмила» сгорѣла. Слѣшимъ сообщить читате-

лямъ нашимъ, что полныя партитуры (въ вѣрныхъ копіяхъ) какъ «Руслана», такъ и «Жизни за Царя», имѣются въ 3-хъ экземплярахъ у издателя сочиненій Глинки, Ф. Т. Стелловскаго; автографическіе же экземпляры означенныхъ партитуръ находятся въ рукахъ ближайшихъ родственниковъ нашего знаменитаго композитора. Кромѣ того намъ извѣстно, что экземпляры «Руслана» существуютъ и за границей: одинъ подаренъ М. И. Глинкою извѣстному теоретику Дену, тоже умершему, — но конечно экземпляръ сохранился, а другой берлинской публичной бібліотекѣ.

Въ одномъ изъ недавнихъ фельетоновъ «С. Петербургскихъ Вѣдомостей» (№ 31) было напечатано чрезвычайно-утѣшительное для сословія русскихъ литераторовъ извѣстіе, что проектъ устава общества для вспоможенія литераторамъ и ученымъ, обработавшійся въ продолженіе цѣлаго почти года, окончательно составленъ и подписанъ трудившимися надъ нимъ. Принадлежа къ числу органовъ русской литературы, «Театральный и Музыкальный Вѣстникъ» не можетъ и не долженъ пропустить этого важнаго извѣстія безъ вниманія.

Проектъ устава, составлявшійся девятью живущими въ Петербургѣ литераторами, подписанъ ими 2-го февраля, день, который и будетъ считаться днемъ основанія общества, если суждено ему осуществиться. Первою, непосредственно цѣлію этого возникающаго учрежденія будетъ вспоможеніе вдовамъ и сиротамъ умершихъ литераторовъ и ученыхъ и тѣхъ лицъ педагогическаго сословія, которые ознаменовали свою дѣятельность какимъ-нибудь заслуживающимъ вниманія сочиненіемъ. Сверхъ того, общество намѣрено оказывать пособіе тѣмъ литераторамъ и ученымъ, которые болѣзнію или другими несчастіями лишены возможности трудиться и тѣмъ списывать себѣ средства къ пропитанію. Если общество встрѣтитъ сочувствіе и будетъ имѣть возможность увеличить свои средства, то расширитъ кругъ своей дѣятельности: оно будетъ помогать тѣмъ ученымъ и литераторамъ, которымъ какія-нибудь, не зависящія отъ нихъ обстоятельства, мѣшаютъ довершить добросовѣстный и полезный трудъ, равно какъ и тѣмъ, которые, докончивъ такой трудъ, не имѣютъ средствъ къ его обнародованію. Такимъ образомъ будетъ спасено отъ гибели много такихъ произведеній, которыя остались бы недовершенными или неизвѣстными. Предполагается, наконецъ, когда средства общества дойдутъ до очень широкихъ размѣровъ, давать вспоможенія молодымъ людямъ, которые покажутъ на дѣлѣ присутствіе въ нихъ литературныхъ или ученыхъ способностей: имъ будутъ доставлять средства къ дальнѣйшему образованію и развитію способностей, къ поѣздкѣ за границу и т. д.

Вотъ главные основанія предполагаемаго, истинно-благодѣтельнаго учрежденія, которому нельзя не сочувствовать. Дай Богъ, чтобъ оно осуществилось какъ можно скорѣе. Во многихъ странахъ Европы подобныя учрежденія существуютъ уже давно; въ Англіи, напримѣръ, литературно-благотворительное общество, состоящее въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго Диккенса, находится въ самомъ цвѣтущемъ положеніи; во Франціи есть нѣсколько литературныхъ обществъ съ цѣлію помогать впаавшимъ въ несчастіе литераторамъ и охранять интересы всего литературнаго сословія. На дняхъ только кончился въ Парижѣ процессъ, который общество драматическихъ писателей выиграло противъ директора *Лирическаго Театра*. Общество вступилось за авторскія права наслѣдниковъ Моцарта и заставило *Лириче-*

скій Театръ уплачивать имъ условленную часть сбора за право представленія «Свадьбы Фигаро». Этотъ процессъ падѣлалъ много шума и долженъ, по всей справедливости, почтаться самымъ интереснымъ фактомъ въ театральнй жизни Парижа за послѣднее время, потому что парижскіе театры не отличаются особенною дѣятельностію, несмотря на то, что зимній сезонъ въ полномъ разгарѣ.

Италіанская Опера возобновила «Донъ Дезидеріо» князя Полятовскаго, «Эриани», «Матильду ди Сабранъ», «Марту» и «Трубадура». Комическая опера князя Полятовскаго имѣла большой успѣхъ, такъ же, какъ и при первой постановкѣ своей на сценѣ. Въ «Матильдѣ ди Сабранъ» имѣла огромный успѣхъ госпожа Нантье-Дидье, которая, какъ слышно, займетъ у насъ, въ будущемъ году, мѣсто госпожи де Меришъ-Лаблашъ. Вотъ что говоритъ о ней газета «L'Europe artiste»:

«Госпожа Нантье самый обольстительный воишъ, какого только можно себѣ вообразить; кофчуга и каска падетъ къ ней удивительно: въ манерахъ ея есть молодцоватость чрезвычайно-привлекательная. Соединивъ съ этими паружными выгодами дарованіе этой пѣвицы, не трудно будетъ понять успѣхъ, который она имѣла. Восхитительный дуэтъ, который она поетъ въ третьемъ дѣйствіи съ госпожею Пенко, возбуждалъ громъ рукоплесканій и т. д.» Вообще, всѣ отзывы о госпожѣ Нантье-Дидье чрезвычайно лестны и, если слухъ о ея пріѣздѣ къ намъ справедливъ, италіанская трупа наша много выиграетъ.

Въ Большой Оперѣ даютъ «Гугенотовъ» съ госпожею Барбо въ роли Валентины и балетъ «Невѣста Лунатикъ», который такъ неудачно прошелъ недавно на нашей сценѣ. Въ Парижѣ роль Терезы играетъ знаменитая Розатти.

Въ Комической Оперѣ репетируютъ новую комическую оперу Мейербера, — вотъ это новостъ такъ новостъ; но скоро ли будетъ эта опера представлена? Знаменитый авторъ «Роберта» и «Гугенотовъ» чрезвычайно взыскателенъ: очень можетъ случиться, что онъ, недовольный пѣвцами, возьметъ свою оперу обратно и отложитъ представленіе ея на неопредѣленное время; а что репетироваться эта опера будетъ много и долго, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

На театрѣ «Водевиль» продолжаютъ давать съ постояннымъ успѣхомъ «Le roman d'un jeune homme pauvre», комедію Октава Фелье, которая играется и на нашей французской сценѣ.

Пале-роальскій Театръ бываетъ полною всякій разъ, какъ даютъ трехъ-актный водевиль «Моя племянница и мой медвѣдь» гг. Клервиля и Фраскати. Подъ псевдонимомъ Фраскати скрывается извѣстный банкиръ Мильйо. Водевиль этотъ хотѣли сперва назвать «Въ чемоданѣ», потомъ наконецъ назвали «Моя племянница и мой медвѣдь». Это названіе падетъ къ водевилю, потому что въ немъ дѣйствительно есть племянница, за которой ухаживаютъ трое волокитъ и медвѣдь, т. е. медвѣжья чучела, служащая дялюшкѣ сундукомъ для денегъ. Одинъ изъ трехъ волокитъ, торгующій парикмахерскими куклами, предлагаетъ племянницѣ — похитить ее въ чемоданѣ, въ которомъ онъ возитъ куколъ. Она соглашается, ее укладываютъ въ чемоданъ, но скоро ей становится душно и она начинаетъ призывать на помощь; прибѣгаетъ второй волокита, освобождаетъ ее и кладетъ на ея мѣсто медвѣдя; но дялюшка сдѣлала уже всѣ нужныя для бѣгства распоряженія и написала къ дядѣ прощальное письмо, которое позабыла на его столѣ. Дядя возвращается, не находитъ своего

медвѣдя и находить письмо. Тотчасъ же пускается онъ по желѣзной дорогѣ въ Гавръ, куда отправился и волокита, похитившій вмѣсто племянницы медвѣдя.

Второе дѣйствіе происходитъ на станціи желѣзной дороги, въ Гаврѣ; къ числу дѣйствующихъ лицъ присоединяются здѣсь: чиновникъ желѣзной дороги и жена его, женщина весьма легкомысленнаго поведенія. Ее преслѣдовалъ какой-то господинъ; этотъ господинъ оказывается однимъ изъ трехъ волокитъ, который прибылъ въ Гавръ для поисковъ о своемъ соперникѣ, увезшемъ чемоданъ съ чучелой медвѣдя. Приѣзжаетъ дядя и третій волокита. Здѣсь начинается рядъ самыхъ уморительныхъ сценъ, описать которыя нѣтъ возможности. Публика смѣется до истерики. Такъ-же смѣется она и въ третьемъ дѣйствіи, происходящемъ въ гостиницѣ. Является жена чиновника, вообразившая, что одинъ изъ трехъ волокитъ назначилъ ей въ этой гостиницѣ свиданіе. Вдругъ раздается голосъ чиновника, который приходитъ, въ сопровожденіи дяди, отыскивать чемоданъ и медвѣдя. Желая спрятаться, несчастная женщина выбрасываетъ медвѣдя и ложится въ чемоданъ... Можете представить себѣ разочарованіе мужа и дяди!.. Подъ конецъ все, разумѣется, улаживается.

Все парижскіе журналы въ восторгѣ отъ этой пьески; да и какъ не быть въ восторгѣ: вѣдь она написана мильионеромъ. Послѣ перваго представленія, г. Мильио явился на сцену, чтобы поблагодарить актеровъ и хотѣлъ поцѣловать одну изъ исполнительницъ, госпожу Тьерре. — «Позвольте, сказала она ему, вы вѣдь отказались отъ вознагражденія».

Если теперь мало въ Парижѣ новостей, за-то много ихъ въ будущемъ. Важнѣйшая изъ этихъ будущихъ новостей — новая опера самого *Россини*. Ее дадутъ въ его же квартирѣ.

— Россини человекъ удивительный, сказалъ Маріо, по поведѣ новаго произведенія пезарскаго лебеда; онъ точно спящая красавица въ извѣстной сказкѣ: проспалъ столѣтіе и проснулся, не постарѣвъ нисколько.

Берлиозъ дописываетъ либретто и музыку новой оперы «Осада Трои».

Нѣкоторые французскіе журналы возвѣстили о блистательныхъ дебютахъ на Италіанскомъ Театрѣ госпожи Сарольта, которая уже ангажирована въ Лондонъ, а *La France Musicale*, которой мы имѣемъ основаніе вѣрить, утверждаетъ, что госпожа Сарольта сдѣлала *fiasco*.

«Съ нѣкотораго времени, говоритъ *La France Musicale*, театральные агенты предаются странному продолжкамъ. Будучи заинтересованы въ успѣхѣ какого-нибудь артиста, они забираются въ партеръ или въ стали съ дюжиной сообщниковъ, хлопаютъ ктати и нектати, крича: *fuori! fuori! bravo! bravo!* и т. д. Публика Италіанскаго Театра, не совсѣмъ привычная къ такого рода продолжкамъ, хранитъ глубокое молчаніе, а театральные агенты бѣгаютъ на слѣдующій день отъ журнала къ журналу, чтобы возвѣстить, что господину N. N. или госпожѣ N. N. аплодировали *con furore* послѣ каждой аріи, что ихъ вызывали послѣ каждого акта. Они посылаютъ эти *рекламы* иностраннымъ журналамъ, перепечатывающимъ ихъ за самую незначительную плату. Директоры театровъ въ Испаніи, Англіи и Америкѣ, слыша, что въ Парижѣ появилась новая звѣзда, пишутъ къ агентамъ, которые отвѣчаютъ безъ зазрѣнія совѣсти, что такой-то или такая-то имѣютъ удивительный талантъ и приводятъ публику въ восторгъ. Основываясь на этихъ показаніяхъ, директоры ангажируютъ восхваленныхъ артистовъ, а нѣсколько мѣсяцевъ

спустя принуждены закрывать театръ, потому что вмѣсто звѣздъ — имъ прислали плошки».

Знаменитый баритонъ Варезо въ большой модѣ въ Парижѣ; почти ни одинъ вечеръ въ большомъ свѣтѣ не обходится безъ него. Онъ, какъ кажется, не имѣетъ въ настоящее время ангажемента.

Встанъ началъ рядъ концертовъ въ залѣ Герца; успѣхъ его превосходитъ всякое описаніе. Парижскіе знатоки и критики въ рѣшительномъ восторгѣ отъ его концерта въ *re* и называютъ его образцовымъ произведеніемъ.

Молодой скрипачъ Вите (*Withe*), воспитанникъ парижской консерваторіи и ученикъ Аларда, находится въ настоящее время на родинѣ своей, въ Матапзасѣ, на островѣ Кубѣ, гдѣ готовится давать концерты. Его соотечественники отъ него въ восторгѣ и безпрестанно угощаютъ его серенадами. Г. Вите виртуозъ очень замѣчательный, съ блистательною будущностію.

Театральныя дѣла въ Неаполѣ идутъ очень плохо: съ 15-го декабря нѣтъ тамъ перваго тенора, потому что голосъ г. Е. Пегрини давно уже нигде не годится; притомъ же онъ только и поетъ, что въ «*I due Foscari*» и въ «*Trovatore*». Первая изъ этихъ оперъ была дана въ присутствіи двора: баритонъ Колетти въ роли Дожа, теноръ Пруденца въ роли Джакомо Фоскари и, въ особенности, госпожа Медори очень понравились. Хотятъ возобновить «Симона Боканегру», успѣхъ котораго былъ прерванъ отъѣздомъ отличнаго тенора Франкони; но кто же замѣнитъ Франкони?

Много говорятъ хорошаго о новой кантатѣ Меркадате, написанной имъ въ честь прекрасной герцогини Калабрской.

Давали на сценѣ театра Санъ-Карло новый балетъ балетмейстера Коста: «*Pelagio*». Балетъ рѣшительно плохъ: въ немъ нѣтъ ни вкуса, ни новизны; одной только Надеждѣ Богдановой аплодировали, да еще молодому танцовщику Вальпо. Въ *pas de deux*, которое они танцевали вмѣстѣ, Надежда Богданова выказала много граціи, легкости и искусства. Она понимаетъ, что танцы не акробатическое искусство, и надо ей быть благодарнымъ за то, что она ищетъ эффектовъ въ истинномъ и прекрасномъ. Новому *pas* много аплодировали: оба артиста, Надежда Богданова и Вальпо, были вызваны нѣсколько разъ.

Другая танцовщица, Кукки, сдѣлалась рѣшительно любимицею вѣнской публики, которую она приводитъ въ неописанный восторгъ. Особенно правится она въ «*Catapell*». Мы читали отзывы о ней въ *Ost-Deutsche-Post*, въ *Wiener-Neuigkeiten*, въ Официальной вѣнской Газетѣ, въ *Vorstadt-Zeitung*, въ *Fremder-Blatt*, въ Вѣнскомъ Антрактѣ, въ *Wiener-theater-Zeitung*; — всѣ эти журналы хвалятъ госпожу Кукки единогласно.

Опера Бальфа «Кастильская роза», написанная для Лондона два года тому назадъ и имѣвшая тамъ успѣхъ, вовсе не понравилась въ Вѣнѣ, гдѣ она недавно поставлена.

Изъ Берлина пишутъ, что г. Конради, капельмейстеръ одного изъ тамошнихъ театровъ, извѣстный уже многими композиціями, написалъ оперу «Невѣста морскаго бога», которая принята на королевскій оперный театръ.

Капельмейстеръ Радеке готовится къ исполненію симфонію Рубинштейна «Океанъ».

Віардо-Гарція въ Лондонѣ; ея первый концертъ имѣлъ огромный успѣхъ.

Г. Савинскій, авторъ «Словаря польскихъ и славянскихъ

музыкантовъ», избранъ единогласно членомъ-корреспондентомъ Императорской Краковской Академіи.

Ш. Р.

КАРЛЪ-МАРІА ВЕБЕРЪ.

Блаза де Бюри.

(Продолженіе)

III.

Послѣ этихъ словъ, произнесенныхъ съ невыразимою скорбію, наступило долгое молчаніе. Гофманъ и Девріентъ не могли опомниться, Веберъ плакалъ. Молодой человекъ, видя, что никто не рѣшился его спрашивать, сказалъ:

«Исторія моя очень проста, тутъ нѣтъ ни драмы, ни романа». — Потомъ, выпивъ залпомъ свой стаканъ, онъ продолжалъ безъ остановки: — «Вы конечно угадали, что первыя мои желанія и наклонности, первая жажда познаній относятся къ музыкѣ. Я родился на югѣ Германіи, въ Боннѣ, гдѣ жилъ съ своимъ семействомъ и зналъ Бетховена съ самаго дѣтства. Великій маэстро, посѣтивъ въ послѣдній разъ и на короткое время своей родной городъ, часто удостоивалъ меня своимъ драгоценнымъ вниманіемъ. Мы жили въ одномъ домѣ и почти каждый день, въ извѣстные часы, Бетховенъ призывалъ меня къ себѣ, чтобы судить о моихъ успѣхахъ на фортепіано, или дружески поговорить о безчисленныхъ подробностяхъ, касающихся науки, которую я изучалъ съ любовью. Сознаюсь, вниманіе, оказываемое такимъ гениемъ, наполняло гордостью мое дѣтское сердце. Я мечталъ, что мнѣ суждено было создать когда-нибудь необыкновенное произведеніе. Въ ту пору я былъ сильно увѣренъ въ своемъ талантѣ; учителя, восхищенные моими успѣхами, ободряли меня и предсказывали самую блестящую будущность. Я самъ, Боже мой, чего я не надѣялся. Мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ, когда умеръ мой отецъ, вскорѣ и мать моя последовала за нимъ; оставшись сиротой, я оставилъ Боннъ, рѣшился путешествовать и давать концерты. Мой первый дебютъ въ Берлинѣ превзошелъ всѣ мои мечты о славѣ; съ перваго раза меня превозгласили первокласснымъ артистомъ и тотчасъ же явились аплодисменты, богатство, слава, явились даже и враги, а еще наканунѣ я не былъ никому извѣстенъ! Мои давнишнія золотыя мечты начинали сбываться. Святое искусство, которому я посвятилъ всю жизнь, какъ бы награждало мои жертвы. Мои лучшія желанія начинали исполняться въ тотъ часъ жизни, когда успѣхъ даетъ возможность артисту развить вполне свое дарованіе; но могъ ли я отгадать, что адъ позавидовалъ мнѣ въ этомъ блаженномъ часѣ и такое великое несчастье отвело мои жадныя уста отъ злополучнаго кубка, которымъ и ты унывалъ сегодня вечеромъ, мой добрый Веберъ! За что Богъ покаралъ меня, за какое преступленіе такое бѣдствіе было наказаніемъ? — не знаю. На другой день должны были исполнить мою симфонію и я просидѣлъ цѣлую ночь, переписывая одно мѣсто, показавшееся мнѣ слабымъ на репетиціяхъ. Оканчивая работу, на зарѣ, я почувствовалъ сильный жаръ въ головѣ и какой-то шумъ въ ушахъ, подобный рѣкѣ, выступающей изъ береговъ. Надѣясь, что утренній воздухъ подкрѣпитъ меня, я распахнулъ окно, но не услышалъ никакого шума когда рама растворилась. Я съ силою оприкинулъ мебель, сталъ бить фарфоръ и ничего не слышалъ, ничего... я оглохъ! Не стану описывать вамъ этого ужаснаго дня. Больше всего меня беспокоила мысль сдѣлаться предметомъ состраданія для людей! — я бы предпочелъ самоубійство. Настала вечеръ; я пошелъ въ концертную залу,

готовясь управлять оркестромъ, какъ-будто ничего не случилось, твердо рѣшившись застрѣлиться, если замѣчу, что состояніе мое неизлечимо, и особенно, если невозможно будетъ его скрыть. Первые такты прошли довольно удачно: остатокъ пораженнаго органа руководилъ мной; мнѣ даже показалось, слухъ возвращается ко мнѣ, но это была пустая надежда. Вдругъ мнѣ почудилось, что весь оркестръ замолкъ и что наступило мертвое мечтаніе. Вотъ муки, о которыхъ Дантъ не упоминалъ! Что будетъ, то будетъ, шепталъ я съ отчаяніемъ, глотая яростныя слезы и продолжая управлять оркестромъ съ помощью глазъ, не слыша ни одной ноты инструментальныхъ массъ, которыя долженъ былъ одушевить своимъ жезломъ. По окончаніи симфоніи раздались громкія рукоплесканія, всѣ лица оживились; товарищи и соперники столпились около меня, камергеръ пригласилъ меня въ придворную ложу. Король и принцессы милостиво заговорили со мной; я улыбался и молчалъ; рыданія душили меня. Но когда я вышелъ изъ залы, горе мое вырвалось наружу, я бѣжалъ по улицамъ какъ сумасшедшій. На дорогѣ, увидѣвъ отворенную таверну, я вошелъ; мнѣ подали пуншъ, я проглотилъ нѣсколько стакановъ одинъ за другимъ. Прошло нѣсколько минутъ, какъ вдругъ мнѣ показалось, что мои чувства какъ бы освобождаются отъ какой-то тяжести. — О чудо! я снова сталъ слышать, я напрягалъ ухо и звуки стали доходить до меня ясно и внятно. Скоро я замѣтилъ, что по мѣрѣ того, какъ пилъ, внятность увеличивалась: случай открылъ мнѣ тайну, которую бы я готовъ былъ купить цѣною крови; теперь я зналъ, какимъ способомъ могу произвольно оживлять мертвый органъ. Однако скоро я сталъ употреблять во зло ужасный галванизмъ. Опасаясь, что лекарство сдѣлается неэффективнымъ, надобно было каждый день удваивать пріемъ. Скоро распространился слухъ, что я горькій пьяница, и желая избѣжать состраданія людей, я заслужилъ ихъ отвращеніе. Однажды, по странному стеченію обстоятельствъ, которыя бесполезно рассказывать, мой педугъ узнала молодая Италіанка по имени Церлиппа, жившая въ маленькомъ домикѣ Фридрихсбургской улицы съ старикомъ отцомъ, который былъ родъ фактотума *à la Firago*, искусно приготовлявшій разныя мази; то былъ гений аптекаря въ тѣлѣ танцовальнаго учителя. Эти добрые люди выказали мнѣ много участія; я взялъ съ нихъ слово хранить глубокое молчаніе и открылъ свою тайну отцу Церлиппы. Въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкоторыхъ поръ я замѣтилъ, что крѣпкіе напитки больше не дѣйствовали, и съ ужасомъ замѣчалъ приближеніе злополучнаго часа, въ который непременно прекратится всякое сношеніе между мной и свѣтомъ. Придумайте что-нибудь для моего облегченія, сказалъ я Италіянцу, и не бойтесь ничего, я согласенъ все перенести, если даже остается самое опасное средство. Сначала добрякъ какъ бы колебался, но видя мое отчаяніе, онъ обѣщалъ, если и не возвратитъ во всей цѣлости поврежденный органъ, то отклонитъ на нѣкоторое время окончательную его потерю; но отдавая мнѣ лекарство, Италіанецъ взялъ съ меня клятву употреблять это средство только въ крайнихъ случаяхъ. Я поклялся исполнить все, что онъ хочетъ, и на другой день отецъ Церлиппы вручилъ мнѣ хрустальный флаконъ, точно такой, какой вы у меня сейчасъ вырвали, г. Гофманъ. Это былъ опиумъ. Такимъ образомъ прошло два года, въ продолженіи которыхъ я испыталъ небесныя наслажденія. Золотыя двери рая Моцарта и Бетховена снова для меня открылись; мнѣ стоило только захотѣть и черезъ часъ мертвый органъ пробуждался для мелодиче-

ских впечатлѣній съ ясностью и силой, которыхъ человѣческое ухо въ нормальномъ состояніи не могло ощущать. Увы! этотъ чудный сонъ восточной ночи не могъ продолжаться! Подобная арія должна была наконецъ кончиться! Въ одинъ вечеръ мой Италіанецъ объявилъ, что удвоивая и утроивая пріемъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду, онъ былъ принужденъ прекратить его, боясь отравить меня. Однако онъ согласился послѣдній разъ отдать мнѣ опасное питье, умоляя употребить его съ большою осторожностью и какъ можно рѣже. Я по обыкновенію общалъ и собирался даже уѣхать въ деревню на два мѣсяца, когда встрѣтился въ Тиргартенѣ съ вами, любезный Гофманъ. Съ этой минуты участь моя была рѣшена. Вы шли на репетицію *Фрейшюца* и я не въ силахъ былъ разстаться съ вами, хотя вы невольно увлекали меня къ безднѣ, въ которой я погибну. При мысли услышать *Фрейшюца* я все забылъ и послѣдовалъ за вами. Какое счастье! Съ начала до конца я не проронилъ ни одной ноты. О! Веберъ! я не думаю, какой дорогой цѣной заплатилъ за свое счастье; услышавъ вчера твое дивное произведеніе, я хотѣлъ прослушать его и сегодня вечеромъ и для того осушилъ губельный флаконъ до послѣдней капли. Теперь, прощайте, друзья мои! Съ нынѣшняго вечера я ничего болѣе не услышу!»

Молодой человѣкъ быстро всталъ, пожалъ руку каждому изъ собесѣдниковъ, взялъ шляпу и исчезъ. Три друга, блѣдные и смущенные, молча сидѣли, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова.

IV.

— Странно! прошепталъ Гофманъ послѣ долгаго молчанія.

— Калло, возразилъ Девріентъ, какая ужасная исторія, если только это не почтая сказка въ твоёмъ вкусѣ.

— Въ разсказѣ молодого человѣка нѣтъ ничего фантастическаго, сказалъ Веберъ. Теперь, когда я собрался съ мыслями, мнѣ приходитъ смутное воспоминаніе объ этомъ юношѣ. Въ самомъ дѣлѣ я кажется встрѣчалъ его у аббата Фоглера; его считали тогда однимъ изъ лучшихъ учениковъ аббата. Бѣдный юноша! что станетъ съ этимъ проблескомъ гения, которому удивлялись его учителя и соперники?

— Ба! отвѣчалъ Гофманъ, не все, что цвѣтеть, созрѣваетъ; природа имѣетъ свои причуды. Я всегда думалъ, что она принимается за дѣло нѣсколько разъ, чтобъ создать великаго философа, великаго поэта, великаго артиста; сперва природа набрасываетъ первый очеркъ, ощупываетъ его, и когда наконецъ удастся ей создать форму...

(Продолженіе впрѣдъ.)

БИБЛИОГРАФІЯ ДОНЪ-ЖУАНА,

ИЛИ ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ, ОСНОВАННЫХЪ НА ЛЕГЕНДѢ О ДОНЪ-ЖУАНѢ, А ТАКЖЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШИХЪ СТАТЕЙ И РАЗСУЖДЕНІЙ ОБЪ ЭТОМЪ ПРЕДМЕТѢ.

(Продолженіе.)

1829. CHB. GRABBE: Don Juan und Faust. Eine Tragödie in vier Acten. Frankfurt a. M.
1829. CARL ROSENKRANZ: Ueber Calderon's Tragödie vom Wunderthätigen Magus. In 12°. Leipzig. S. 74.
1832. АЛЕКСѢЙ БЛАШЪ: Донъ-Жуанъ или пораженный безбожникъ. Балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Музыка Сеннега и Бланта. С. П. Б. въ типографіи А. Плюшара.
1833. ALFRED DE MUSSET: Namouna, conte oriental: chant II, 13—54.
1833. (GEORGE SAND): Lélia. Par l'auteur d'Indiana. 2 vol. in 8°. Paris, Dupuy. Ch. LXII: Don Juan.
1834. PROSPER MÉRIMÉE: Les Ames du Purgatoire (повѣсть въ Revue des Deux Mondes. T. III. p. 377).
1834. (CASTIL-BLAZE): Le Souper chez le Commandeur, drame en prose et vers, sans division en actes, en scènes, par Hans Werner (Revue des Deux Mondes T. II, p. 497).
1835. H. G. POTHO: Vorstudien für Leben und Kunst. In 8°. Stuttgart und Tübingen, bei Cotta. Erste Abth. S. 1—172 und passim.
1836. ALEXANDRE DUMAS: Don Juan de Marana, ou la Chute d'un Ange, mystère en cinq actes et sept tableaux, avec intermèdes.
1836. ROBERGE: Don Juan de Marana, ou la Chute d'un Ange, drame en dix tableaux, raconté par Robert Macaire et Bertrand. In 8°. Paris, Bezou.
1836. А. ПУШКИНЪ: Каменный гость (четыре сцены).
1837. AUGUST LEWALD: Europa. Bd. II. S. 152: Briefe aus Madrid. Bd. III, S. 571: Zur Geschichte des Don Juan.
1838. TB. GAUTIER: Beautés de l'Opéra. Don Juan. In 4°. Paris (съ портретомъ Зонтагъ въ роли Донны Анны).
1840. S(GISMUND). WIESE: Don Juan. Tragödie in fünf Acten. Leipzig. F. A. Brockhaus.
1840. HAUCH: Don Juan. Drama in fünf Acten.
1841. A. KAHLERT: Die Sage vom Don Juan (ученое изысканіе въ Freihafen. Erstes Vierteljahr, S. 113 u. ff.).
1842. J. E. BRAUN VON BRAUNTHAL: Don Juan, Drama in fünf Abtheilungen. Leipzig, Fr. Fleischer.
1843. ALEXANDRE OULIBICHEFF: Nouvelle Biographie de Mozart etc. 3 vol. gr. in 8°. Moscou, Aug. Semen. T. III, pp. 67—205: Il Dissoluto Punito, ossia: Il Don Giovanni.
1843. ADOLPHE DE PUIBUSQUE: Histoire Comparée des Littératures Espagnole et Française, etc. 2 vol. gr. in 8°. Paris, chez Dentu.
1844. DON JOSÉ ZORRILLA: Don Juan Tenorio, drama religioso-fantástico en dos partes.
1845. AD. FR. VON SCHACK: Geschichte der dramatischen Literatur und Kunst in Spanien. 3 Theile, gr. in 8°. Berlin, bei Duncker und Humblot. Th. II, S. 592.
1845. EDWARD HOLMES: The Life of Mozart, including his Correspondence. London, Chapman and Hall.

(Окончаніе впрѣдъ.)

Въ музыкальномъ магазинѣ Ф Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 27, въ С.-Петербургѣ,

поступили въ продажу:

ЭТЮДЫ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО ВЪ ДВѢ РУКИ:

BERTINI, Quatre études (nouvelles), цѣна 1 р. сер.

CRAMER, 84 études célèbres. Troisième édition, revue et corrigée par Mr. A. Henselt. L. 1. 2. 3. 4., chaque 1 p. 50 к. сер.

DUVERNOY I., Ecole primaire. Elementarunterricht für den

ersten Anfänger im Pianofortespiel in 25 leichten und fortschreitenden Studien op. 176, n. 2 p.

MAYER Ch., Deux études mélodiques, цѣна 1 р. сер.

ROSELLEN H. Quatre études en octaves, цѣна 1 р. с.

Требованія и. инородныхъ исполняются съ первою почтою.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 21 февраля 1859 года. Цензоръ Д. Макевичъ.

Въ типографіи Я. Гюнсона.

Редакторъ М. РАППАПОРТЪ.

Издатель Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.